

Б. В. АНАНЬИЧ

РУССКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ в 1898—1902 гг.

Одна из особенностей исторического развития царской России конца XIX—начала XX в. состояла, как известно, в ее экономической отсталости по сравнению с передовыми странами Западной Европы. Эта отсталость, характерная еще для эпохи промышленного капитализма, наложила свой уродливый отпечаток и на лицо российского империализма, принявшего, по определению В. И. Ленина, в отличие от обычного «классического» капиталистического империализма новейшего типа, военно-феодальный характер. В России, как это подчеркивал В. И. Ленин, «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических».¹

Экономическая отсталость российского империализма, сочетавшаяся с богатейшими природными ресурсами России, превращала ее в сферу приложения иностранных капиталов, прочно внедрившихся в экономику страны и занимавших в ней ключевые позиции. Проникновение иностранных капиталов в Россию, в свою очередь, влекло за собой все возрастающую зависимость российского капитализма и царизма от западноевропейского империализма.

Именно к началу XX в., когда в России складываются уже основные признаки империализма, роль иностранного капитала в экономической жизни страны резко возрастает, а влияние его на внешнюю политику русского самодержавия приобретает особенно большое значение. Одним из средств такого влияния становятся иностранные займы царизма.

Настоящая статья, разумеется, совсем не претендует на всестороннее освещение вопроса о внешних займах царизма. Она пре-

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, стр. 246.

следует цель только проследить некоторые особенности политики русского самодержавия в области внешних займов, в богатый событиями период 1898—1902 гг., когда в мировом масштабе завершается переход капитализма в его высшую и последнюю стадию развития — империализм.

Как известно, Министерство финансов Российской империи в эти годы возглавлял С. Ю. Витте — крупный финансовый и политический деятель царской России, много сделавший в интересах русской империалистической буржуазии. Витте вступил на этот пост в самом начале последнего десятилетия XIX в., когда русский империализм переживал еще только процесс своего становления, и покинул его в 1903 г., накануне русско-японской войны и первой русской революции, которые потрясли основы русского самодержавия.

В отличие от своего предшественника на посту министра финансов И. А. Вышнеградского (1887—1892), снискавшего себе известность конверсионными операциями на Парижской бирже и почти не делавшего займов за границей иначе как с целью конверсии прежних 5% или 6% русских ценных бумаг, Витте имел в виду определенную программу использования иностранных капиталов и, в частности, иностранных займов в деле экономического развития России.

Эту свою программу С. Ю. Витте неоднократно отстаивал и пытался обосновать, как это было, например, в марте 1899 г., когда при обсуждении различных уставов в Комитете министров возник вопрос об ограничении помещения иностранных капиталов в русские промышленные предприятия,² или в феврале 1900 г., когда Витте обратился к Николаю II с «всеподданнейшим докладом», специально посвященным вопросу о привлечении иностранных капиталов в русскую промышленность.³ Широкое привлечение иностранных капиталов вообще и в виде займов, в частности, должно было явиться, по мнению Витте, своеобразным катализатором, который способствовал бы ускорению процесса экономического развития русского капитализма.

² В 1899 г. Витте выступил решительным противником любых ограничений для иностранных капиталов. «Я держусь мнения, — оставил он помету на письме М. Н. Муравьева от 13/25 марта 1899 г., — что ограничение доступа иностранных капиталов и предприимчивости в Россию не только едва ли удобно в политическом отношении, но еще вредно и в экономическом и финансовом отношении» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 188, лл. 29а—29б). См. также хранящийся в библиотеке ЦГИАЛ относящийся к марту 1899 г. всеподданнейший доклад Витте «О необходимости установить и затем непреложно придерживаться программы торгово-промышленной политики империи».

³ Докладная записка Витте Николаю II: Историк-марксист, 1935, т. 2—3 (42—43).

В 1897 г. Витте завершил проведение денежной реформы, которая явилась как бы итогом его финансовой политики за первое пятилетие деятельности в качестве министра финансов и во многом определила дальнейшее направление финансового и экономического развития российского империализма.

Подведение золотой основы под русский бумажный рубль открыло широкие возможности для привлечения в Россию иностранных капиталов, действительно хлынувших после 1897 г. широким потоком во все отрасли молодой русской индустрии, в погоне за баснословными прибылями, которые сулили богатства Сибири, Кавказа и центральной России. Только теперь, после реорганизации системы денежного обращения, Витте мог приступить и действительно приступил к осуществлению своей программы экономического развития России с широким участием иностранного капитала в форме как инвестиций, так и займов. Естественно поэтому, что к 1898 г. вопрос о возможности использования для этой цели международного денежного рынка приобрел первостепенное значение. Впрочем, дело здесь было не только в планах самого Витте, но и в целом ряде обстоятельств, связанных как с состоянием русского и общеевропейского денежных рынков к 1898 г., так и с взаимоотношениями, сложившимися к этому времени между русским Министерством финансов и парижской биржей.

* *

*

После первого русского конверсионного займа 1888 г., которым И. А. Вышнеградский открыл целую серию конверсионных операций во Франции, судьба русского самодержавия оказалась тесно связанной с парижской биржей. Основным результатом этих операций явился переход русских ценностей с немецкого на французский денежный рынок, переход, совершившийся при самом активном участии французских банков. Так был заложен фундамент, на котором вскоре было воздвигнуто и само здание франко-русского союза. Политический и военный союз, в свою очередь, открывал еще новые возможности для финансового сотрудничества. Но по мере того, как общая цифра находившихся в обращении на французской бирже русских ценностей росла, а соответственно возрастала и зависимость царизма от этой биржи, характер сотрудничества тоже эволюционировал и взаимоотношения кредитора и должника обозначались все рельефнее. Это проявилось прежде всего в том, что французское правительство, начиная примерно с 1894 г., стало относиться довольно сдержанно к размещению на парижской бирже новых русских займов и усложнять процедуру допущения их к котировке, ссы-

лаясь на то, что парижский рынок переполнен русскими ценными бумагами. Под тем же предлогом в 1894 г. против русских займов во Франции начала кампанию и значительная часть французской прессы, как парижской, так и провинциальной, на страницах которой начали появляться статьи, «предостерегавшие публику от „увлечения“ русскими фондами». ⁴ Кампания эта приняла еще больший размах в 1895—1896 гг.

Настроения французской прессы, видимо, очень обеспокоили Витте, который распорядился в 1895 г., не откладывая дела в долгий ящик, образовать «особый фонд» для расходования на «publicité», надеясь таким способом вновь завоевать расположение французской печати. Фонд этот был образован при заключении китайского займа 1895 г., и в банкирском доме «Готтингер и К^о» в распоряжение министра финансов была поставлена довольно значительная сумма в 250 000 фр., пополнявшаяся по мере надобности в следующие годы. ⁵

Но если меры, принятые Витте для укрощения французской печати, и могли оказать какое-то влияние на тон французских периодических изданий, то они никак не могли отразиться на политике французского финансового ведомства, занявшего совсем недвусмысленную позицию в отношении размещения во Франции новых русских займов. И хотя французская биржа по-прежнему охотно приобретала русские бумаги, которые в зависимости от характера соглашения русского Министерства финансов с соответствующими кредитными учреждениями распространялись даже иногда не по публичной подписке, а среди клиентов этих учреждений, французское правительство начало создавать препятствия для новых операций Витте в Париже.

Так было, в частности, в 1897 г., когда Витте сделал попытку разместить на французской бирже примерно на 2 с лишним миллиарда франков русской 4%-й внутренней ренты и закладных листов Дворянского банка. Французское Министерство финансов высказалось определенно против допущения к котировке но-

⁴ Всеподданнейшая докладная записка Витте 4 марта 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 267, лл. 36—37 об. Витте видел причины кампании, начатой французской прессой против русских фондов в 1894 г., прежде всего в ее «корыстолюбии». «В минувший период конверсионных займов, — доносил Витте Александру III, — образованные для осуществления их синдикаты кредитных учреждений и банкирских домов пользовались прессою, уделяя ей значительную долю своих барышей на несколько миллионов рублей; в настоящее же время, когда иссяк этот источник дохода французской прессы, составляющей одно из самых неприглядных явлений современной Франции, — досада журналистов изливается в неверных и недружелюбных отзывах и намеках на наше экономическое и финансовое положение...»

⁵ Справка об особом фонде у Готтингера: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 308, л. 63.

вых русских ценных бумаг, признав всю эту операцию «в высшей степени неуместной».⁶ Делатур, директор кредитной канцелярии министерства (*directeur du mouvement général des fonds*), отвечая на запрос президента республики, подробно изложил причины, по которым введение на французский рынок новых русских бумаг было бы невыгодно французскому правительству. По его подсчетам, на парижской бирже обращалось русских фондов на сумму, близкую к 8 млрд фр., которые вместе с новыми 2 млрд составили бы 10 млрд фр., т. е. почти половину постоянного французского долга, насчитывавшего в 1897 г. 22 млрд фр.⁷ А поскольку, как признавал Делатур, французские держатели предпочитали заменять французскую ренту русскими бумагами, то трудно было рассчитывать на то, чтобы курсы французских ценных бумаг успевали за повышением курсов русских фондов и чтобы французское правительство могло надеяться произвести в будущем новые выгодные конверсии своих ценностей.⁸ Делатур считал возможным удовлетворить требования русского правительства только в том случае, если это было необходимо сделать по «соображениям политическим», и выдвинул предложение, чтобы французскому послу в Петербурге Монтебелло было дано указание «не очень-то соглашаться с проектами Витте».⁹

Все это происходило в феврале 1897 г., а в июле того же года министр финансов Кошери обратился к министру иностранных дел Ганото со специальным письмом, содержащим изложение принципов той политики, которой, с его точки зрения, французскому правительству следовало придерживаться по отношению к новым попыткам с русской стороны делать займы во Франции, чтобы взять своего русского союзника под возможно более полный финансовый контроль.¹⁰ «Важно не допустить, — писал Кошери, — чтобы распространилось мнение, будто наш рынок постоянно открыт для любых попыток занимать, которые Россия решит, между прочим, предпринять, не давая нам никаких объяснений... Мы вправе требовать, чтобы сведения относительно этих операций мы получали от самого русского правительства, а не окольным путем через кредитные учреждения». В заключение своего письма Кошери подчеркивал необходимость вообще «внимательно следить за всем, что касается финансов России».¹¹

⁶ Documents Diplomatiques Français (1871—1914), 1er série, t. XIII, Paris, 1953, № 117, стр. 215—216.

⁷ Там же, стр. 215.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Кошери—Ганото, 6 июля 1897 г.: там же, № 266.

¹¹ Там же.

Несомненно, что создавшееся положение вполне оценили в Петербурге и выход из него царское Министерство финансов видело лишь в поисках новых рынков для размещения русских займов, к которым оно теперь же не замедлило приступить. Объектами этих поисков были избраны Соединенные Штаты Америки и Англия, при этом основная надежда была на богатый капиталами лондонский рынок, и в 1898 г. через английского Ротшильда Витте начал зондировать почву насчет возможности размещения в Англии значительного русского государственного займа.

* *

*

Витте давно уже имел виды на английский денежный рынок. Еще в 1894 г. по поручению Витте агент Министерства финансов в Париже Рафалович ездил в Лондон и имел там подробную беседу с Ротшильдом относительно возможности расширения экономических и финансовых связей между Россией и Англией. Английский банкир не скрывал своей заинтересованности в укреплении таких связей и проявил особенный интерес к богатствам Сибири, обратившись через Рафаловича к Витте с просьбой разрешить ему послать своего представителя в Россию для специального изучения этого вопроса.¹²

Однако переговоры, которые Рафалович вел в Лондоне с Ротшильдом, а затем и с рядом других английских банкиров, не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на англо-русские экономические и финансовые отношения, и лондонская биржа после 1894 г. по-прежнему не принимала участия в размещении русских займов.

Столь же неудачной оказалась предпринятая в марте 1897 г. попытка вновь вступить в переговоры с Ротшильдом. На этот раз Витте воспользовался услугами А. Ю. Ротштейна, крупного банковского дельца, директора Петербургского международного коммерческого и Русско-Китайского банков, имевшего большие связи в европейских банковских кругах. Ротштейн приехал в Лондон, был принят в доме Ротшильдов, но английский банкир даже отказался вступать с ним в переговоры о займе и на вопрос Ротштейна, считает ли он возможным «реализовать в Англии русский государственный заем», ответил, что это просто «немыслимо».¹³

¹² Рафалович — Витте 23 ноября/5 декабря 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 188, лл. 20—25.

¹³ Татищев — Витте 26 мая/7 июня 1897 г.: ЦГИАМ, ф. 597, оп. 1, д. 691, л. 25 об.

Обе эти неудачи не смутили Витте, и он с прежним упорством вновь начал в 1898 г. зондировать почву относительно возможности заключения займа на английском рынке, как через Ротштейна, так и через назначенного в 1898 г. на пост агента Министерства финансов в Лондоне С. С. Татищева. Татищев приехал в Лондон в мае 1898 г. и почти сразу же был введен официальными представителями русского посольства во все крупнейшие банкирские дома Лондона и прежде всего, разумеется, представлен Ротшильду, которому Татищев во время первого же свидания льстиво заявил, что он просит считать его, Татищева, «так же аккредитованным» при Ротшильде, «как Стааль (русский посол в Лондоне, — Б. А.) аккредитован при королеве Виктории».¹⁴

Льстивые слова Татищева попали в самую цель, ибо, как выяснилось позднее, Ротшильд тоже был заинтересован в том, чтобы поддерживать непосредственные сношения с Витте и русским Министерством финансов через «постоянного представителя», «русского джентльмена», к которому он, Ротшильд, мог бы относиться с «большим доверием» и с которым он мог бы «объясняться с большей откровенностью, чем с временными и случайными посланцами».¹⁵ По-видимому, Ротшильд не склонен был откладывать надолго эти объяснения, так как тут же пригласил Татищева посетить его еще раз специально для откровенного разговора о финансовых отношениях России и Великобритании.

Этот разговор состоялся 26 мая/7 июня 1898 г. в кабинете Ротшильда «с глазу на глаз» и носил настолько откровенный характер, что Татищев счел за лучшее передать Витте его содержание не в обычном донесении, а в личном письме.¹⁶ Хотя Татищев и был приглашен для обсуждения вопросов финансовых, в действительности Ротшильд повел речь о политических отношениях России и Великобритании. Поначалу Татищев, объясняя цель своего приезда в Лондон и задачи, стоявшие перед ним как агентом русского финансового ведомства, пустился было в общие рассуждения о необходимости укрепления финансовых и торгово-промышленных связей между Россией и Великобританией. Но Ротшильд прервал своего собеседника и без обиняков объяснил Татищеву, что он отлично понимает, что русское Министерство финансов интересуется прежде всего лондонский денежный рынок.¹⁷ Татищеву возразить было нечего и теперь ему просто пришлось выслушать совершенно откровенное объяснение

¹⁴ Татищев — Витте 23 мая/4 июня 1898 г.: там же, лл. 20 об.—21.

¹⁵ Татищев — Витте 26 мая/7 июня 1898 г.: там же, л. 23.

¹⁶ Там же, лл. 23—29 об.

¹⁷ Татищев — Витте 26 мая/7 июня 1898 г.: там же, л. 23 об.

о том, на каких условиях Россия могла бы получать в Англии необходимые ей денежные средства.

Ротшильд обратил внимание Татищева на то, что «пути России и Великобритании одинаково расходятся и в политике, и в торговле», а причину этого Ротшильд видел прежде всего в том, что русская дипломатия отказалась «действовать в согласии с Англией в «армянском и критском деле», на Балканах и, наконец, «на Крайнем Востоке». «И там наше правительство, — заметил Ротшильд, — предлагало вашему войти с ним в сделку, в соглашение, но вы отклонили эти предложения».¹⁸ Ротшильд, конечно, коснулся и экономических отношений России с Англией и подверг критике русскую торговую политику, но уделил этому совсем мало внимания.

Татищев, видимо, заподозрив Ротшильда в желании под предлогом политических осложнений в отношениях между Россией и Англией побольше выторговать для себя, сделал попытку увести разговор в сторону от вопросов, связанных с внешней политикой, и таким образом выяснить, что же за всем этим скрывается. Он воспользовался первой же паузой, чтобы спросить, не является ли еще причиной «неудовольствия» английского финансового мира, например, «положение евреев в России». «Нет, — воскликнул Ротшильд, — я не ставлю в зависимость от личных моих чувств общественное дело».¹⁹ «Ведь вот я хоть и еврей, а понимаю, что Англия должна выступать на европейском востоке как христианская держава».²⁰

Раз так, Татищев попробовал все-таки сосредоточить все внимание своего собеседника на вопросах чисто экономических, но и тут потерпел неудачу. Ротшильд отнесся совершенно хладнокровно и к сообщению о состоявшемся на днях понижении ввозных пошлин на товары «преимущественно английского производства», и к призывам Татищева помещать английские капиталы в русские промышленные предприятия, приносящие иностранным вкладчикам «огромные, неведомые во всей Западной Европе барыши», «небывалые, совершенно невероятные дивиденды в 40, 50 и до 75 процентов».²¹ Ротшильд стоял на своем: Пусть Татищев и не убажает себя мыслью, «что экономические интересы возьмут когда-нибудь верх над политическими».²² Вышло, что только политическое соглашение с Англией могло бы открыть английский рынок для размещения русских займов. Незадолго до приезда Татищева в Лондон, в феврале 1898 г.,

¹⁸ Там же, л. 25.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 24.

²¹ Там же, л. 26.

²² Там же, л. 26 об.

английское правительство обращалось уже через своего посла в Петербурге О'Конора к русскому правительству с проектом такого соглашения, предусматривавшего в первую очередь раздел Китая и Турции на сферы влияния России и Англии.²³ Однако английский проект соглашения не встретил сочувствия русской стороны и был отвергнут как неприемлемый. Поскольку Ротшильд теперь в разговоре с Татищевым тоже настаивал на заключении политического соглашения между Россией и Англией по делам Ближнего Востока и Китая, ясно было, что английский банкир, используя заинтересованность России в английском рынке, просто пытался навязать русскому правительству соглашение на условиях, всего несколько месяцев тому назад отвергнутых русской дипломатией. Ротшильд по существу и сам признавал, что он имеет в виду как-то компенсировать неудачу переговоров об англо-русском соглашении по общим вопросам, которые вели в феврале русское и английское дипломатические ведомства. Он совсем не пытался скрыть своего раздражения, вызванного неуклюжими действиями английской дипломатии, и в присутствии Татищева тоном хозяина заочно отчитывал и «эту скотину Чемберлена (*cet animal de Chamberlain*), грубая и бессмысленная речь которого в Бирмингеме единогласно осуждается всеми здравомыслящими людьми в Англии, особенно людьми деловыми» и английского посла в Петербурге О'Конора («пустой и назойливый болтун»), которому он, Ротшильд, «в глаза сказал, что в дипломатии надо дело делать, а не вздор молоть».²⁴ Ротшильд еще раз заверил Татищева, что «примирения и соглашения» с Россией желают и королева, и двор, и премьер-министр, и вообще «большинство англичан», и в заключение просил Татищева передать «дословно» Витте «и только ему одному» содержание состоявшейся беседы, повторив при этом еще раз, что в случае политического примирения «русский государственный кредит прочно водворится» и пустит «глубокие корни» в Англии.²⁵ «Тогда, — заявил Ротшильд, — вся лондонская биржа к вашим услугам».²⁶ Практически же это означало, что в данный момент рассчитывать на то, чтобы получить на этой бирже крупный заем, не было никаких надежд. Татищев окончательно пришел к такому выводу, посетив вслед за Ротшильдом еще несколько банкирских домов и переговоров с Гамбро, Рюффером, Бишофсгеймом и братьями Зелигманами. После всех этих посещений, подводя итог переговорам, которые он вел, Татищев

²³ См.: *British Documents on the Origins of the War (1898—1914)*, vol. I, London, 1927, № 16.

²⁴ ЦГИАМ, ф. 597, оп. 1, д. 691, л. 27.

²⁵ Там же, лл. 27 об., 28 об.

²⁶ Там же, л. 28 об.

вынужден был сообщить Витте, что хотя английские «банкиры со вздохом сожаления вспоминают о тех блаженных временах, когда центр тяжести финансовых операций русского правительства был на лондонском рынке и не без зависти помышляют о громадных выгодах, извлекаемых из финансового общения с нами Парижа и Берлина», лондонские финансовые круги не могут и думать о «расширении своих связей с нашей казной, пока с политического горизонта не исчезнут мрачные тучи».²⁷

Таким образом, попытки Татищева в 1898 г. завязать переговоры в Сити о русском государственном займе на лондонском рынке потерпели неудачу. Все, что русскому Министерству финансов удалось добиться на лондонском рынке после 1894 г., когда лондонский Ротшильд последний раз принимал участие в русском государственном займе, в большей части своей размещенном во Франции, — это допущения в июне 1898 г. к котировке в Лондоне русской 4%-й внутренней ренты.

К тому же изменившееся к концу 1898 г. общее положение на европейском денежном рынке лишало Витте вообще возможности заключения в Европе в близком будущем государственного займа на крупную сумму. Приходилось выжидать более благоприятного момента. В конце 1898 г. на европейском денежном рынке обнаружили первые признаки наступающего экономического кризиса, выразившегося в повсеместном вздорожании денег. Поввысился учетный процент, начал ощущаться недостаток ссудных капиталов, усилился наблюдавшийся уже в предшествовавшие годы и без того «небывалый отлив денег на Дальний Восток и вообще в колониальные владения европейских стран».²⁸ Симптомы надвигающегося кризиса в разной степени давали себя знать на всех крупнейших биржах мира, в Париже, Лондоне, Петербурге, исключение составлял только Нью-Йорк. Американская биржа переживала подъем, вызванный колоссальным промышленным бумом, и сложившаяся в США благоприятная финансовая конъюнктура побудила царское Министерство финансов предпринять попытку выйти на американский денежный рынок. А непосредственный повод для этого давала инициатива, проявленная американской стороной.²⁹

Еще в конце октября 1898 г. русский генеральный консул в Вашингтоне В. А. Теплов сообщил товарищу министра ино-

²⁷ Татищев — Витте 3/15 июня 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 50, л. 12.

²⁸ Всеподданнейший доклад Витте 26 октября/8 ноября 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 559, лл. 1—6.

²⁹ По утверждению агента Министерства финансов в Париже А. Г. Рафаловича, Витте помышляла «открыть» американский рынок для русских займов задолго до 1898 г., еще в бытность свою министром путей сообщения (см.: ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 476, л. 40).

странных дел В. Н. Ламздорфу, что ряд крупных кредитных учреждений США, в связи со слухами о новом внешнем займе в 100 млн р., который якобы намеревается сделать русское правительство, изъявили готовность участвовать в таком займе.³⁰ Теплов даже вступил в секретные переговоры с группой американских банкиров через одного из глав банкирского дома «Беринг Магон и К°», Крейна, причем предполагалось образовать синдикат для реализации русского займа в Америке, в котором приняли бы участие крупнейшие страховые компании Нью-Йорка, такие, как «Нью-Йорк лайф иншуренс компани» («New York Life Insurance Co.»), «Эквитебл лайф иншуренс компани» («Equitable Life Insurance Co.») и др.

Независимо от Теплова Витте и сам получил предложение о заключении русского займа в Америке через поверенного в делах США в Петербурге Герберта Пирса, который действовал от имени некоего Айвинса, американского финансиста, выдававшего себя за представителя синдиката американских банкиров.³¹

Витте не замедлил откликнуться на сделанные предложения, и во второй половине ноября в Нью-Йорк для ведения переговоров о займе были командированы уполномоченный Министерства финансов А. И. Вышнеградский из Петербурга и состоявший при русском посольстве в Вашингтоне агент Министерства финансов М. Рутковский.³² Чтобы не предавать огласке действительные цели командировки Вышнеградского, он выехал в Америку под предлогом исследования хлебной торговли и элеваторов.

Однако, приехав в Нью-Йорк, русские представители сразу же столкнулись с серьезными трудностями. Прежде всего оказалось, что синдикат для выпуска займа к их приезду образован не был и только после их заявления о том, что они готовы приступить к переговорам о займе, такой синдикат был создан банкирским домом «Беринг Магон и К°» при непосредственном участии Джона Пирпонта Моргана. С ним лично Вышнеградский и Рутковский и повели теперь переговоры об условиях предстоящей операции. Морган согласился реализовать на американском рынке заем на сумму в 80 млн долл., но предложил такие условия займа, которые оказались совершенно неприемлемыми для русской стороны. Вместо 3%-го займа, на котором настаивали Вышнеградский и Рутковский, американский банкир соглашался взять только 3½%-й заем и по низкой цене 92% за 100 с правом выпуска для публичной подписки по 96. Крайние условия, на

³⁰ Теплов — Ламздорфу 16/29 октября 1898 г.: АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 114, л. 491—491 об.

³¹ Кассини — Ламздорфу 26 декабря/7 января 1898/1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 219, лл. 5—8.

³² Там же.

которые изъявили готовность согласиться представители русского Министерства финансов, были — 93 за 100 при 3%. Морган не уступил, и переговоры были прерваны. В конце декабря Вышнеградский с пустыми руками выехал обратно в Европу.³³

Это было уже вторая неудача, в результате которой русскому самодержавию так и не удалось в 1898 г. получить заем на иностранных рынках, в то время как стесненное положение европейского рынка, сказывавшееся на русских финансах и русской экономике, и неблагоприятный расчетный баланс вынуждали русское Министерство финансов во что бы то ни стало искать новых займов.³⁴ Причем в 1899 г., как и в предшествовавшем ему 1898 г., объектами этих поисков по-прежнему оставались английский и американский денежные рынки. После неудач Вышнеградского и Рутковского в Вашингтоне и Татищева в Лондоне Витте ничего другого уже не оставалось, как всецело положиться на «авторитет» и ловкость Ротштейна, который с начала 1899 г. взял на себя задачу добиться заключения займов как в Англии, так и в Америке.

В июне 1899 г., преодолев многочисленные трудности, Министерству финансов удалось, наконец, с помощью банкирских домов Берлина и Амстердама разместить в Англии через лондонский банкирский дом «Генри Шредер и К^о» 4%-й облигационный гарантированный правительством заем общества Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. на 2 975 000 ф. ст. по цене 99 за 100. Хотя Витте и пытался создать атмосферу успеха вокруг этой первой в Лондоне, после долгих лет перерыва, русской операции, ничтожность и малозначительность ее была очевидна.³⁵ Даже при незначительных размерах суммы займа и сравнительно невысокой цене русскому Министерству финансов так и не удалось достичь основной цели, ради которой совершалась вся эта операция, т. е. разместить заем именно в Англии. Большая часть займа была раскуплена в Голландии и Германии, по утверждению же лондонских и берлинских газет «в Лондоне публика на заем не подписалась вовсе, и банкиры подписались только на 25%».³⁶ Успех был явно сомнительным. Однако, если бы не помощь, оказанная немецкими банкирами и в особенности Мендельсоном и, наконец, если бы не активное участие в операции

³³ Айвинс — посланнику США в Петербурге Хичкоку 18/30 декабря 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, лл. 2—6. См. также: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 219, лл. 5—8.

³⁴ См.: П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. III. Харьков, 1907, стр. 473—474.

³⁵ По случаю «успешного» заключения займа в Англии Витте даже обратился к Николаю II со специальной всеподданнейшей запиской 4/16 июня 1899 г. (см.: ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 312, лл. 80—81).

³⁶ П. П. Мигулин, ук. соч., стр. 475.

Ротштейна, благодаря (по словам Татищева) «опытности, прозорливости и ловкости» которого удалось достичь все-таки определенного результата, операция, видимо, вообще была бы невозможна.³⁷ Таковы были первые результаты поисков денег на английский рынок к лету 1899 г.

На американском рынке дело обстояло не лучше. После разрыва переговоров в декабре 1898 г. Ротштейну пришлось начинать все сначала. Положение, однако, облегчалось тем, что весной 1899 г. американская сторона снова проявила известную инициативу и американская миссия в Петербурге много способствовала возобновлению неудачно кончившихся в декабре 1898 г. переговоров с Морганом. Поверенный в делах США в Петербурге Герберт Пирс еще в начале марта 1899 г. (20 февраля/4 марта) явился со специальным визитом к Ротштейну и заявил ему, что в Петербург ожидается приезд представителя американских банкиров, «снабженного достаточными полномочиями», дав понять тем самым о возможности возобновления переговоров.³⁸ Что за лицо имел в виду американский дипломат и приехало ли оно в Петербург весной 1899 г. — нам не известно. Известно лишь, что при посредничестве Пирса в конце мая 1899 г. в Брюсселе состоялось свидание Ротштейна с Морганом, в результате которого была достигнута предварительная договоренность о проведении в близком будущем русских кредитных операций на американском рынке.³⁹

Несмотря на то, что результат встречи был пока весьма неопределенным, в Петербурге ей придавалось, по-видимому, известное значение. Как сообщал Ротштейн Моргану после своего возвращения в Петербург, Витте «с большим интересом» выслушал его сообщение о «дружеском расположении» Моргана к русским финансам и о желании Моргана в конечном счете «заняться русским делом». При этом Витте просил Ротштейна передать Моргану, что он надеется, что «недоразумения», имевшие место во время переговоров в конце 1898 г., теперь «отменены» состоявшейся встречей.⁴⁰

Интерес царизма к американскому, как и к английскому, рынку к концу 1899 г. усиливался тем, что Министерство финансов столкнулось с новыми трудностями во Франции, где была

³⁷ «Наш Московско-Виндавский заем, — доносил из Лондона Татищев, — покрыт полностью и едва ли даже не с избытком. Счастливый этот результат делает честь опытности, прозорливости и ловкости Ротштейна» (Татищев — Витте 2/14 июня 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 205, лл. 160—161).

³⁸ Ротштейн — Витте 20 февраля/4 марта 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, л. 11.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ротштейн — Моргану 25 мая/6 июня 1899 г.: там же, лл. 29—31.

предпринята попытка в 1899 г. разместить на 50 млн р. 3½%-х закладных листов Государственного дворянского земельного банка, в надежде с помощью этой операции освободить часть средств сберегательных касс и получить необходимые свободные суммы на железнодорожное строительство.⁴¹

Для этой цели Министерство финансов вступило в переговоры с одним из крупнейших кредитных учреждений Франции — Лионским кредитом и, несмотря на очень низкую цену, предложенную Лионским кредитом (93.2% при комиссии ¾%, при вычете же еще французского гербового сбора чистая выручка должна была составить всего 91.45%) почти на 4¾% ниже цены, по которой бумаги Дворянского банка размещались в 1897 и 1898 гг., подписало соглашение о реализации этих бумаг во Франции.⁴² По условиям соглашения Лионский кредит должен был закончить всю операцию с бумагами Дворянского банка до второй половины октября 1899 г., однако в самом начале октября по требованию Министерства финансов и Министерства иностранных дел Франции вынужден был задержать реализацию закладных листов. Больше того, французское правительство вообще отложило вопрос о допущении к котировке бумаг Дворянского банка до приезда в Париж русского министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Неожиданное вмешательство французского правительства в уже состоявшуюся финансовую сделку русского Министерства финансов с французским кредитным учреждением не было случайным и преследовало политические цели, что и обнаружилось во время поездки Муравьева в Париж.

Французское правительство по-прежнему продолжало играть на финансовых затруднениях своего партнера по союзу. И на этот раз воспользовалось ими, чтобы установить контроль над стратегическим железнодорожным строительством в России. Поэтому, когда Муравьев во время своего пребывания в Париже в октябре 1899 г. начал настаивать на допущении к котировке закладных листов Дворянского банка, французское правительство выступило со встречным предложением — выпустить во Франции русский железнодорожный заем на 400 млн фр. с условием, что русское правительство на эти деньги начнет строить железнодорожную магистраль, которая соединит железнодорожную сеть европейской России с Закаспийской дорогой. Точнее — предполагалась постройка дороги либо от Оренбурга до Ташкента, либо от Уральска до Чарджуя. И в том, и в другом случае это была бы железнодорожная линия стратегического значе-

⁴¹ Всеподданнейшая записка Витте не позднее 7/19 октября 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 312, лл. 121—124.

⁴² Там же.

ния на случай возможной войны с Англией. Мысль о необходимости постройки такой линии возникла во Франции под свежим впечатлением от Фашодского конфликта.

Настаивая на выпуске железнодорожного займа, министр иностранных дел Франции Делькассе обещал даже русскому правительству, что облигации русского железнодорожного займа будут котироваться во Франции на одинаковых условиях с подобными же облигациями французских железных дорог. Однако Витте категорически отказался от предложенной французским правительством операции. Ссылаясь на то, что ценные бумаги во Франции, выпускаемые железнодорожными обществами, подвергаются очень тяжелому обложению, Витте отклонил предложение о железнодорожном займе, вместо которого потребовал от французского правительства согласия на размещение на французском рынке в течение 1900 и 1901 гг. на 200 млн р. закладных листов Дворянского банка. В случае согласия французского правительства на это условие Витте выражал готовность приступить к строительству Оренбург-Ташкентской дороги на внутренние средства.

Это предложение Витте казалось бы не встретило возражений со стороны французского правительства, так как русский посол в Париже кн. Урусов, на которого были возложены обязанности вести переговоры о займе, сообщил вскоре в Петербург, что французский министр финансов «согласен в принципе» с новыми условиями.⁴³ Однако претворить в жизнь достигнутую договоренность удалось только в начале 1900 г., когда во Франции было реализовано 50 млн р. закладных листов Дворянского банка, т. е. четвертая часть первоначальной суммы.⁴⁴

После нового конфликта с французским правительством осенью 1899 г. Витте окончательно утвердился в мысли о необходимости выйти на английский и американский денежные рынки. Еще в самом начале конфликта, после сообщения из Парижа об отказе французского правительства допустить к котировке закладные листы Дворянского банка, Витте писал о своем намерении министру иностранных дел Муравьеву: «Я постоянно говорил, что французское правительство вот уже много лет (лет пять) делает постоянные препятствия к помещению наших фондов во Франции, что я не жду никакой поддержки со стороны этого правительства и только прошу, чтобы они не мешали нам делать операции, когда таковые выгодны для нас, для француз-

⁴³ Урусов — Муравьеву 25 ноября/7 декабря 1899 г. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 188, л. 10.

⁴⁴ Справка о реализации закладных листов Дворянского банка во Франции, 12/25 апреля 1901 г.: там же, л. 51.

ских банкиров и французских покупателей. Но, по крайней мере, до настоящего времени правительство это соблюдало приличные формы. В данном же случае образ действия министров по меньшей мере не деликатен. Заметьте, что одновременно во Франции другие страны (Италия, Испания, Аргентина и проч.) помещают всякую дрянь без всяких препятствий». «Нам для казны денег не нужно. Но для банков, железных дорог и различных промышленных предприятий деньги нужны. Россия страна молодая — она только начинает развиваться — ей нужно строить и железные дороги, и фабрики, и увеличивать банки. Если Франция желает нам закрыть рынок — пусть так и скажет — вместо вечных препятствий, нам делаемых. Я тогда почту долгом доложить о сем его величеству и просить его указаний. По моему мнению, тогда нет другого выхода, как обратиться к кредиту Англии или Америки... При этом я думаю, что в Америке также едва ли будет возможность найти прочный кредит — и останется одна Англия».⁴⁵

Как видно, в сентябре—октябре 1899 г. Витте все еще возлагал на английский рынок большие надежды, чем на рынок американский. Однако, как показали события, надежды эти были не оправданы.

Симптомы кризиса, появившиеся на европейском денежном рынке в 1898 г., в 1899 г. разрослись в общеевропейский финансовый кризис. К концу 1899 г. на всех биржах Европы значительно повысился дисконт: Английский банк повысил дисконт до 5%, Французский банк, удерживавший отлив золота из страны специальными премиями, — до 3%, а Германский банк — до 6%, что, разумеется, серьезно отражалось на состоянии русского денежного рынка. «Следуя за европейскими банками, российский Государственный банк повысил учетный процент до 5,5, доведя его к декабрю 1899 г. до 7».⁴⁶

Углублению денежного кризиса в Европе в значительной степени способствовала вспыхнувшая в 1899 г. англо-бурская война. Начало военных действий в Африке вызвало резкое вздорожание денег в Европе, так как Трансвааль, добывавший к концу 90-х годов до $\frac{1}{4}$ общей мировой добычи золота, поступавшего регулярно на европейские денежные рынки, прекратил свои поставки из-за военных действий. Одновременно, в первые же месяцы войны, катастрофически упали акции южноафриканских золотопромышленных компаний, которые широко обращались на

⁴⁵ Витте — Муравьеву не позднее 29 сентября/11 октября 1899 г.: АВПР, ф. Секретный архив, д. 180, лл. 7—8.

⁴⁶ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1956, стр. 230.

лондонской и парижской биржах, и возрос спрос на деньги в Англии в связи с расходами на нужды войны. По мере развития военных операций в Африке лондонский рынок оказался в довольно затруднительном положении. Естественно, что в этих условиях в конце 1899 г.—начале 1900 г. русское Министерство финансов вынуждено было делать ставку не на Лондон, а на Нью-Йорк. И действительно, начиная со второй половины 1899 г. Ротштейн все свои усилия сосредоточил на том, чтобы убедить американских банкиров принять участие в размещении на американском рынке русского государственного займа.

После майской встречи 1899 г. в Брюсселе с Морганом, во время которой было достигнуто только предварительное соглашение о русских операциях на американском рынке, Ротштейн до конца 1899 г. добился более значительных успехов в переговорах с американскими финансистами. В частности, в октябре 1899 г. Ротштейну удалось войти в соглашение с «Нью-Йорк лайф иншуренс компани» (крупной американской страховой компанией, имевшей отделение в России) об образовании синдиката для выпуска в Америке гарантированного правительством русского железнодорожного займа на 10 млн долл.⁴⁷ По условиям синдикатского соглашения, подписанного в октябре 1899 г. в Петербурге, 80% этой суммы брала на себя «Нью-Йорк лайф иншуренс компани», а 20% — Петербургский международный коммерческий банк. Синдикат подписал соответственно контракты с русскими железнодорожными компаниями, распределив общую сумму займа следующим образом: 3 200 000 — Обществу Юго-Восточных железных дорог и 6 800 000 долл. — Обществу Владикавказской железной дороги.

С финансовой точки зрения железнодорожный заем 1899 г. никак нельзя было признать успешным. Мало того, что размер займа был невелик и одну пятую этой незначительной суммы брал на себя русский банк, русское правительство вынуждено было дать согласие сделать американской промышленности в счет займа заказы на постройку нескольких военных судов.⁴⁸ Тем не менее в русском Министерстве финансов этой первой операции на американском рынке придавали большое значение, исходя отнюдь не только из финансовых соображений. Как видно из переписки Ротштейна с представлявшим в переговорах о займе «Нью-Йорк лайф иншуренс компани» вторым вице-президентом компании Перкинсом, заем 1899 г. рассматривался только как первый опыт и как средство для рекламы в Америке русских ценных бумаг. Приступив в начале 1900 г. к продаже в Америке

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 45—46.

⁴⁸ П. П. Мигулин, ук. соч., стр. 476.

русских железнодорожных облигаций, «Нью-Йорк лайф» одновременно начала широкую агитационную кампанию в прессе, которая должна была подготовить почву для размещения в будущем на американском рынке русского государственного займа «на значительную сумму».⁴⁹

Разумеется, американская страховая компания, взявшая на себя расходы по рекламированию русских ценных бумаг в Америке, действовала отнюдь не из платонических побуждений. Надо думать, что американские финансисты из группы Моргана и связанные с «Нью-Йорк лайф» действительно надеялись вступить в близком будущем в тесные деловые связи с русским Министерством финансов и теперь хлопотали ради будущих барышей. Что же касается лиц, возглавлявших «Нью-Йорк лайф», то они, конечно, вдвойне были заинтересованы в установлении таких связей, поскольку эта компания имела отделения в Петербурге.

В самом начале 1900 г., как только американские представители, подписавшие контракт о выпуске русского железнодорожного займа, вернулись в Нью-Йорк и американская страховая компания приступила к продаже русских облигаций, в Петербурге было принято решение о посылке в Америку от Министерства финансов и Международного банка двух чиновников для участия в операциях, связанных с размещением облигаций. В последний момент поездка лица, назначенного Министерством финансов, по неизвестной причине была отменена, и в Америку отправился только представитель Международного банка А. И. Коробков.⁵⁰

Как оказалось, Коробков, помимо дел, связанных с займом, имел поручение от Ротштейна вступить в переговоры с американскими финансистами о создании совместного русско-американского банка. Ротштейн рассчитывал, что подобного рода сделка улучшит условия русского государственного кредита в Америке, и надеялся заинтересовать американских финансистов тем, что союз с русскими банками выгодно отзовется на американской торговле в Китае. Ротштейн не ошибся в своих предположениях, действительно, мысль о создании русско-американского банковского объединения встретила в Нью-Йорке живейший интерес. В результате переговоров с президентом одного из крупнейших американских банков — Нэйшнл сити бэнк оф Нью-Йорк

⁴⁹ Перкинс — Ротштейну 7/20 февраля 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 82—83.

⁵⁰ В Америке отказ Витте отправить своего представителя в Нью-Йорк был встречен с беспокойством, и Перкинс специально запрашивал Ротштейна, не изменил ли Витте свое первоначальное намерение из-за каких-нибудь действий «Нью-Йорк лайф», которые вызывали его неодобрение (ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 8).

(National City Bank of New York) — Джеймсом Стиллменом была достигнута договоренность о создании русско-американского банковского объединения, и Стиллмен заявил о своей «готовности разработать... во всех деталях» проект создания такого объединения.⁵¹

Мало вероятно, чтобы русское Министерство финансов серьезно было заинтересовано в сотрудничестве с американскими банковскими учреждениями на Дальнем Востоке, но зато Витте интересовал американский денежный рынок, а соглашение с крупнейшим из американских банков, судя по тому, что писал Ротштейн директору Шанхайского отделения Международного банка Верту, должно было «самым решительным образом соблюдать русские интересы в Америке и заботиться об эмиссии и распространении» там русских ценных бумаг.⁵²

Итак, в русском Министерстве финансов в соглашении с американским банком видели прежде всего одно из средств открыть дверь на американский денежный рынок. Это обнаружилось особенно явно в июне 1900 г., когда Ротштейн в соответствии с предварительной договоренностью в Брюсселе в конце 1899 г. выехал в Нью-Йорк для окончательных переговоров с Морганом о крупном русском государственном займе, одновременно усиленно распространяя слухи, что целью его поездки является соглашение с американскими банкирами относительно совместных операций на Дальнем Востоке.

На этот раз поездке Ротштейна, видимо, придавалось особенно большое значение, и Витте с большим вниманием следил за ходом переговоров, о которых Ротштейн регулярно доносил министру по телеграфу. Желание Витте поскорее узнать о результатах переговоров с Морганом было настолько велико, что он сам засел за расшифровку первой телеграммы, полученной от Ротштейна из Нью-Йорка 3/16 июня 1900 г.⁵³

Сообщения из Нью-Йорка были неутешительны. Переговоры снова натолкнулись на серьезные трудности, несмотря на длительную подготовку, предшествовавшую им, и ту агитационную кампанию в пользу русских фондов, которую среди американского населения вела «Нью-Йорк лайф». Оказалось, что момент для встречи с Морганом был выбран не очень удачно, и хотя, как сообщал Ротштейн министру финансов, «настроения публики и Уолл-стрита» казались «благоприятными и благожелательными», «идея иностранного займа», по его впечатлению,

⁵¹ Коробков — Стиллмену 23 марта/5 апреля 1900 г.: там же, д. 435, л. 5.

⁵² Ротштейн — Верту 11/24 апреля 1900 г.: там же, д. 489, лл. 9—10.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 200, л. 4.

была все «еще недостаточно популярна» в Америке.⁵⁴ О немедленном заключении займа, как сразу же дал понять Морган Ротштейну, вообще не могло быть и речи: во-первых, из-за ожидавшихся в конце года выборов президента, а главное, из-за политических осложнений на Дальнем Востоке, связанных с вспыхнувшим в Китае антиимпериалистическим движением Ихэтуань.

По всем этим причинам заключение займа откладывалось по меньшей мере на срок до конца 1900 г. Пока же Ротштейн мог рассчитывать только на то, чтобы обсудить условия будущего займа и заготовить проект контракта; но и это оказалось далеко не простым делом. Ротштейну пришлось пойти на очень большие уступки, чтобы склонить Моргана вести переговоры о займе. Условия, предложенные Морганом, оказались даже несколько хуже, чем те, которые он предложил в 1898 г. Вышнеградскому и Рутковскому. Причем речь шла теперь уже не о 80 млн долл., как в 1898 г., а только о 50. Помимо всего прочего, Морган настаивал на участии в операции европейских банков, в частности английских, и соглашался провести операцию при условии, если половину от общей суммы займа возьмет на себя Международный банк.⁵⁵ Условия, предложенные Морганом, были крайне невыгодны для русского Министерства финансов. Размещение займа не только в Америке, но и Европе, т. е. в Англии, с выпуском облигаций, как требовал Морган, не только в долларах и фунтах стерлингов, но и во франках и рублях, совсем не устраивало русское Министерство финансов, ибо там, естественно, опасались, что может повториться история с железнодорожным займом 1899 г., размещавшимся в Англии, но скупленным французскими и немецкими держателями. Крайне невыгодным было и требование Моргана, чтобы Международный банк взял на себя половину суммы займа, тем более, что ввиду значительного размера суммы Ротштейн сразу же обратился к Витте с просьбой о поддержке со стороны Государственного банка, и, таким образом, выходило, что фактически и Государственный банк должен был принять участие в выпуске займа.⁵⁶ Витте в категорической форме отказался принять все условия Моргана и потребовал, чтобы Ротштейн добился выпуска облигаций «только в долларах и фунтах стерлингов», размещения займа в Америке, а не в Европе и уменьшения доли участия Международного банка. «Государственный банк не может принять участия, — телеграфировал Витте в Нью-Йорк Ротштейну, — я не могу согласиться на то,

⁵⁴ Ротштейн — Витте 3/16 июня 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 8—9.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ротштейн — Витте 3/16 и 7/20 июня 1900 г.: там же, лл. 9, 18.

чтобы подписка производилась в Европе. Мне совсем не понятно, как Международный банк может взять половину... Я никогда не согласился бы дать на все размещение в Европе более 10%. Я предпочитаю уменьшить сумму займа или даже совсем не делать операции».⁵⁷

Однако стоило Моргану сделать только некоторые уступки — отказаться от эмиссии в Лондоне и от выпуска облигаций в рублях и франках, как Витте тотчас же принял все прочие условия американского банкира и телеграфировал Ротштейну 8/21 июня свое согласие на составление контракта.⁵⁸

С заготовленным проектом контракта займа Ротштейн и вернулся в Петербург 26 июня/9 июля и в тот же день был принят Витте. Министр финансов, рассмотрев проект контракта, не внес в него решительно никаких изменений, подчеркнув в разговоре с Ротштейном, что «он всецело и совершенно» представляет Моргану и окончательное «определение суммы выпуска и выбор подходящего момента для этого, поскольку моральный эффект дела имеет для него самое большое значение».⁵⁹

Видимо, Витте окончательно смирился с мыслью о невозможности произвести на американской бирже операцию, выгодную в финансовом отношении, и теперь расценивал предстоящий заем исключительно с точки зрения «морального эффекта», который он должен был произвести в первую очередь, разумеется, в Париже. Ради «морального эффекта» русское Министерство финансов и пошло на столь значительные в финансовом отношении уступки Моргану, и, тем не менее, надежда на возможность заключения займа в Америке по-прежнему оставалась весьма эфемерной. Всего через несколько дней после возвращения Ротштейна в Петербург пришло очередное сообщение от Моргана; условия для заключения займа в Америке со времени отъезда Ротштейна стали еще «менее благоприятными», что означало новую длительную отсрочку операции. Ротштейн, впрочем, видел способ заинтересовать американский рынок в выпуске русского займа объявлением, что заем делается в связи с расходами по экспедиции для подавления восстания Ихэтуань в Китае и даже пытался склонить к этому Витте, но безуспешно. Витте ответил, что «не испытывает такой нужды в деньгах, чтобы настаивать на заключении военного займа».⁶⁰

⁵⁷ Витте — Ротштейну 7/20 июня 1900 г.: там же, ф. 560, оп. 22, д. 200, лл. 19—20.

⁵⁸ Витте — Ротштейну 8/21 июня 1900 г.: там же, л. 41.

⁵⁹ Ротштейн — Моргану 27 июня/10 июля 1900 г.: там же, ф. 626, оп. 1, д. 1469, лл. 54—55.

⁶⁰ Ротштейн — Моргану 4/17 июля 1900 г.: там же, лл. 62—63.

Между тем ожидание «благоприятного момента» для заключения займа затянулось так надолго, что теперь и сам Ротштейн потерял надежду на возможность разместить заем в Америке на условиях, о которых ему удалось договориться с Морганом в Нью-Йорке в июне 1900 г. А тут еще подоспело предложение французских банкиров, заявивших, по сведениям Ротштейна, о своей готовности ссудить русскому Министерству финансов большой аванс «вместе с опционом для последующего займа».⁶¹

Ротштейн немедленно телеграфировал об этом известии из Ишля, где он находился в июле—августе 1900 г., в Нью-Йорк Моргану, побуждая его торопиться с проведением операции, чтобы опередить французов, и предлагая до выпуска займа предоставить русскому правительству либо аванс, либо произвести покупку на известную сумму обязательств Государственного казначейства.⁶² Вскоре это новое предложение Ротштейна приняло более конкретную форму. Он предложил Моргану приобрести 4%-е обязательства Государственного казначейства на сумму не менее 40 млн долл. твердо с последующим опционом на ту же сумму или выпуском займа.⁶³ На этот раз Ротштейн уже настойчиво торопил своего американского партнера по синдикату, ссылаясь на то, что предложение Министерству финансов о покупке 4%-х облигаций следует сделать до назначавшегося на 27 августа н. ст. отъезда Витте в Париж.⁶⁴

Морган проявлял теперь еще большую пассивность, чем прежде, и вместо того, чтобы предпринять какие бы то ни было срочные действия, настаивал на отсрочке операции, хотя считал возможным позднее и при очень выгодных условиях произвести покупку обязательств Государственного казначейства.⁶⁵ Согласие Моргана носило очень условный характер, и, тем не менее, Ротштейн все-таки обнадежил Витте, сообщив ему перед отъездом в Париж о «положительном решении» вопроса об обязательствах Государственного казначейства и пообещав, что к середине сентября он и Морган смогут представить Министерству финансов более определенные предложения.⁶⁶

Насколько серьезно Витте относился к заверениям Ротштейна и ставил ли он свою деятельность в Париже осенью 1900 г. в зависимость от возможности заключения займа в Америке, сказать

⁶¹ Ротштейн — Моргану 29 июля/11 августа 1900 г.: там же, лл. 65—66.

⁶² Там же.

⁶³ Ротштейн — Моргану 3/16 августа 1900 г.: там же, л. 68.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Морган — Ротштейну 5/18 августа 1900 г.: там же, л. 69.

⁶⁶ Ротштейн — Моргану 9/22 августа 1900 г.: там же, л. 71.

трудно. Во всяком случае, Ротштейн всеми силами пытался убедить Моргана, что Ротшильд и парижские банки «готовы вести переговоры о 4%-м займе», «французское правительство ничего не имеет против даже большого займа» и только «Витте занимает сдержанную позицию». «Думаю, — объяснял Ротштейн Моргану поведение министра финансов, — что он предпочитал бы достичь соглашения с вами на американском рынке согласно моим сообщениям, сделанным в духе наших переговоров».⁶⁷

Едва ли можно совершенно доверяться тому, что писал Ротштейн, тщетно стремившийся пробудить в американском банкире чувство конкуренции и заставить его действовать более активно. Трудно поверить, чтобы Витте, удайся ему заключить даже крупный заем в Америке, надолго отказался бы от операций на французском рынке. Можно только предполагать, что Витте во время своей поездки во Францию осенью 1900 г. стремился не связывать себя какими-нибудь определенными обязательствами перед французскими банкирами, рассчитывая в случае успеха в Америке позднее продолжить переговоры в Париже, занимая уже гораздо более выгодные позиции.⁶⁸

⁶⁷ Письмо и телеграмма Ротштейна Моргану 31 августа/13 сентября 1900 г.: там же, лл. 72—73, 76.

⁶⁸ Какого рода переговоры вел Витте с парижскими банкирами осенью 1900 г., нам не известно. Что же касается переговоров с французским Министерством финансов, то, если верить воспоминаниям Кайо, дело выглядело не совсем так, как это пытался представить Ротштейн в своих письмах Моргану в сентябре 1900 г. Как вспоминает Кайо, Витте, находясь в Париже в 1900 г., имел с ним продолжительную беседу, во время которой русский министр финансов откровенно изложил Кайо свой план экономического развития промышленности и сельского хозяйства России с помощью займов на иностранных рынках, преимущественно во Франции. Напряженность и долгосрочный характер финансовой программы Витте смутили Кайо, который, естественно, поставил выполнение этой программы в зависимость от политических обстоятельств. Витте же принялся уверять своего французского коллегу в том, что «без толчка извне» не может быть «ни малейшей опасности каких-либо потрясений в самой империи». «Мир! — заявил Витте. — Да, несомненно, мир необходим. Но разве есть на горизонте хоть малейшая угроза войны?» По утверждению Кайо, Витте не только не убедил его своими объяснениями, но «еще больше обеспокоил». Кайо дал понять русскому министру, что его волнует не только будущее «союзной нации», но и судьба тех капиталов, которые Витте намерен заимать во Франции. В результате беседы Витте вынужден был заверить Кайо, что он, во-первых, сократит выпуск займов, а во-вторых, будет искать для своих эмиссий другие рынки, помимо французского. «Из этих двух обещаний, — пишет Кайо, — я не придал никакого значения первому, так как знал, что оно не будет выполнено. Я отнесся с некоторым доверием ко второму, и действительно Витте пробовал обратиться к американским финансистам. Но первые же попытки, которые он предпринял, обескуражили его. Он снова вернулся к нам...» (Joseph Caillaux. Mes Mémoires, I. Paris, 1942, стр. 161—163).

Однако ни во время пребывания Витте во Франции, ни после его возвращения в Петербург Морган так и не сделал никаких предложений и после длительных оттяжек и проволочек, в конце ноября 1900 г., сообщил телеграммой Ротштейну о своем окончательном отказе принять участие в размещении русского займа на американской бирже.⁶⁹ Копию телеграммы Моргана вместе со своим сопроводительным письмом Ротштейн тотчас же переслал министру.

Известие об окончательном отказе Моргана принять участие в выпуске русского займа вызвало бурную реакцию со стороны Витте, весь гнев которого обрушился на Ротштейна. Министр излил свои чувства в грозной резолюции на письме Ротштейна, адресованной секретарю. «Будьте любезны, — распорядился Витте, — попросить к себе Ротштейна и передать ему от меня, что я его прошу, никогда и ни с кем без моего всякий раз разрешения, не сноситься с иностранными банкирами по вопросам, касающимся денежных операций русского правительства, поскольку сии операции касаются сего правительства, т. е. всяких посредственных и непосредственных займовых операций. Объясните ему, что подобные сношения приводят иностранных банкиров к предположению, что правительство нуждается в деньгах — ищет займов — существенно портят государственный кредит».⁷⁰

В действительности печальная развязка, к которой пришли к концу 1900 г. переговоры о займе как в Англии, так и в Америке, означала не просто неудачу Ротштейна, а одно из поражений финансовой политики русского самодержавия.

Когда Витте в 1898 г. начал предпринимать попытки открыть для русских займов английский и американский денежные рынки, русский министр, конечно, надеялся, во-первых, получить возможность пользоваться кредитом международного масштаба и, во-вторых, иметь возможность лавировать между биржами Парижа, Берлина, Лондона и Нью-Йорка, занимая в зависимости от обстоятельств то там, то здесь и не связывая свою судьбу только с парижской биржей, в зависимое положение от которой русское самодержавие попадало все больше и больше.

Теперь, в конце 1900 г., стало ясно, что надеяться на Нью-Йорк и Лондон бесполезно. В Берлине царизм время от времени получал кредиты и мог рассчитывать на некоторую финансовую поддержку со стороны германского рынка, но в сравнительно ограниченном масштабе. Берлинская биржа не располагала таким обилием свободных капиталов, как парижская, ввиду постоянного

⁶⁹ Морган — Ротштейну 15/28 ноября 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 50, л. 66.

⁷⁰ Помета Витте на письме Ротштейна от 17/30 ноября 1900 г.: там же, оп. 22, д. 50, лл. 64—65.

спроса на капиталы внутри самой Германии, поглощавшиеся в первую очередь немецкой военной индустрией. Следовательно, основным и почти единственным кредитором царизма могла быть только французская буржуазия. А поскольку русское самодержавие не могло обходиться без внешних займов, то непосредственным результатом неудавшейся попытки царизма получить возможность делать займы на международном рынке должно было явиться и действительно явилось дальнейшее усиление зависимости России от французского финансового капитала.

Разумеется, что и в случае даже полного успеха задуманной в конце 90-х годов в русском Министерстве финансов операции царизму все равно не удалось бы избежать зависимости от западноевропейского капитала и только разве характер этой зависимости мог бы принять несколько иные формы.

* *

*

Неудача переговоров в Америке осенью 1900 г. оказалась особенно чувствительной для царизма по причине крайне тяжелого финансового положения страны, вызванного углублявшимся экономическим кризисом и громадными расходами, которые самодержавие понесло, ввязавшись в новую авантюру на Дальнем Востоке и приняв участие в экспедиции по подавлению антиимпериалистического восстания в Китае. Финансовое положение царизма к концу 1900 г. оказалось просто катастрофическим. «Министр финансов Витте заявлял, что к 1-му января 1900 г. в казначействе имеется свободная наличность в 250 млн руб., — писал о финансовом положении самодержавия в декабре 1900 г. В. И. Ленин, — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство...»⁷¹

От надвигавшегося банкротства Витте вынужден был искать спасения вновь на парижской и берлинской биржах. В Берлине при содействии немецких банкиров Блейхредера, Мендельсона и других Витте сравнительно легко удалось к середине 1901 г. договориться о помещении облигаций Варшавско-Венской железной дороги, первоначально на сумму в 24 млн р.⁷² Что же ка-

⁷¹ В. И. Ленин. Китайская война. Сочинения, т. 4, стр. 350.

⁷² Всеподданнейший доклад Витте 23 июля 1901 г.: ЦГИАМ, ф. 568, оп. 1, д. 252, л. 2. До конца года Витте рассчитывал разместить в Берлине еще на 30 млн р. железнодорожных облигаций (там же).

сается Парижа, то здесь русский министр сразу же встретил серьезные трудности.

В декабре 1899 г., как уже говорилось выше, Витте добился согласия французского правительства допустить к котировке во Франции в течение 1900—1901 гг. закладные листы Государственного дворянского земельного банка на сумму в 200 млн р. После того как в начале 1900 г. русское Министерство финансов реализовало на французском рынке на 50 млн р. закладных листов Дворянского банка, русское правительство в течение 1901 г. имело право в соответствии с существовавшей договоренностью разместить во Франции ценные бумаги Дворянского банка еще на 150 млн р. Этим правом Витте и решил воспользоваться в начале 1901 г. для выпуска во Франции, правда не закладных листов Дворянского банка, а рентного 4%-го займа на сумму в 424 млн фр. (159 млн р.). Парижский Ротшильд брался реализовать 4%-й русский заем по цене $95\frac{3}{8}\%$ с правом выпуска для публичной подписки по 98% при условии, что русское правительство не будет выпускать на западноевропейских рынках как государственных, так и гарантированных правительством частных займов до 16 февраля/1 марта 1902 г.⁷³

Несмотря на то, что условия займа связывали русское правительство обязательством на целый год не делать новых займов и были мало выгодны с финансовой точки зрения, Витте принял их без возражений и в апреле 1901 г. провел через Комитет финансов. В начале мая 4%-й русский заем должен был быть выпущен на парижскую биржу, но в дело снова вмешалось французское правительство.

В Париже, конечно, было известно о неудачах Витте в Америке и в Англии, там несомненно знали о критическом состоянии русских финансов и явно стремились воспользоваться безвыходным положением царского правительства.

Незадолго до выпуска займа французский министр финансов Кайо обратился к Витте через агента Министерства финансов в Париже с настойчивой просьбой о проведении ряда мероприятий, в которых были заинтересованы французские промышленники и держатели русских ценных бумаг. Кайо настаивал на расширении прав владельцев иностранных обществ, действовавших в России, на предоставлении русским правительством заказов французской промышленности, на выдаче русским Государ-

⁷³ Русское правительство оставило, тем не менее, за собою право разрешать, начиная с 19 августа/1 сентября 1901 г., частным обществам выпуск в Берлине гарантированных облигаций на общую сумму не свыше 80 млн марок (см. «Представление министра финансов в Комитет финансов 26 апреля 1901 г.»: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 406. лл. 1—7).

ственным банком двухмиллионной ссуды Урало-Волжскому обществу, в которое были вложены французские капиталы, и, наконец, просил поддержать его собственное предложение о гарантии предполагавшегося китайского займа для уплаты «вознаграждения» державам, участвовавшим в подавлении восстания Ихэтуань.⁷⁴

Нетрудно было понять, что Кайо специально обратился к Витте накануне выпуска русского займа во Франции, чтобы иметь возможность в случае необходимости оказать давление на русское правительство и заставить его удовлетворить французские требования. Русский министр финансов, в свою очередь, сделал вид, что не понял маневра Кайо, и «счел предпочтительным ответить на письмо французского министра финансов после заключения займа, дабы не связывать этой операции с обсуждением посторонних ей вопросов».⁷⁵ Однако в начале мая (8/21) Витте получил телеграмму Рафаловича, в которой сообщалось, что Кайо «недоволен» отсутствием ответа из Петербурга и что это может отразиться на допущении к котировке русского займа.⁷⁶ В дальнейшем Рафалович окончательно и совершенно определенно подтвердил отказ Кайо допустить с котировке русский 4%-й заем впредь до того момента, когда он получит ответ Витте. Все это Кайо прямо без обиняков заявил и самому Рафаловичу, подчеркнув, что синдик биржевых маклеров уже спрашивал разрешения на котировку русского займа, но что он отсрочил выдачу разрешения, так как ждет ответа Витте.⁷⁷

Русский министр финансов попал бы в безвыходное положение и вынужден был бы принять все условия Кайо, не заручись он в 1899 г. письменным обязательством французского правительства допустить к котировке во Франции в течение 1900 и 1901 гг. русские ценные бумаги в общей сумме на 200 млн р. Как признавал позднее сам Витте, «не будь этого обязательства», он мог бы «оказаться в момент подписки на новый заем в необходимости предоставить, под угрозой политического и финансового осложнения, новые уступки» французскому правительству и «считаться с новыми требованиями» последнего.⁷⁸ Теперь же, сославшись на обязательство, данное ему Делькассе в декабре 1899 г., Витте решительно потребовал допущения к котировке

⁷⁴ Всеподданнейшая записка Витте 11 мая 1901 г.: АВПР, ф. Секретный архив. 1889—1913 гг., д. 200/201, лл. 76—80.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

4%-го займа и отверг все требования Кайо. Французское правительство вынуждено было уступить.

Конфликт, разыгравшийся вокруг 4%-го займа 1901 г., интересен как явление, характерное для отношений, сложившихся к 1901 г. между русским и французским финансовыми ведомствами. Поведение Кайо накануне выпуска русского займа со всей очевидностью свидетельствовало, что французское правительство не считало уже нужным маскировать свое намерение использовать русские займы во Франции как средство давления на русское правительство и требовало серьезных экономических уступок от самодержавия в уплату за предоставляемые кредиты. Действительно, французское правительство добивалось, чтобы средства, получаемые во Франции под высокий процент, употреблялись бы царизмом, во-первых, для оплаты промышленных заказов французским заводам и, во-вторых, на поддержку в России промышленных предприятий (попавших в связи с кризисом под угрозу банкротства), в которые были вложены французские капиталы. К середине 1901 г. русское самодержавие оказалось в настолько катастрофическом экономическом и финансовом положении, что оно уже просто не могло не считаться с требованиями французского правительства. Правда, в истории с займом 1901 г. внешне, казалось, все сошло благополучно: Витте вывернулся, но на деле русский министр финансов прочно попался в цепкие руки французского финансового капитала. Достаточно сказать, что хотя Витте и отказался выполнить требования Кайо, предъявленные ему в мае 1901 г., незадолго до этого он уже вынужден был оказывать финансовую поддержку Урало-Волжскому обществу, судьба которого так беспокоила французское правительство, и выдал этому обществу «в отступление от устава Государственного банка» миллионную ссуду под так называемое «Комаровское дело».⁷⁹

Царское казначейство, как известно, тратило в годы кризиса десятки миллионов «на прямую и косвенную поддержку „страдающих“ от кризиса промышленных предприятий»,⁸⁰ при этом под давлением французского правительства оно вынуждено было оказывать поддержку и тем предприятиям, в судьбе которых были заинтересованы французские держатели. Характерным примером в этом смысле могут служить взаимоотношения, сложившиеся в годы кризиса между русским Министерством финансов и Обществом Брянского завода, крупнейшего рельсопрокатного, железнодорожного и механического предприятия России, основ-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ В. И. Ленин. По поводу государственной росписи. Сочинения, т. 5, стр. 307.

ными акционерами которого в конце 90-х годов были французские капиталисты.⁸¹

Накануне кризиса 1899 г. дела Общества Брянского завода находились «в блестящем положении», прибыль, получаемая обществом, достигала 4 млн р. в год, дивиденды доходили до 32%, цена акций общества поднималась до 533 р. за 100.⁸²

В декабре 1896 г. Общество Брянского завода приобрело в г. Керчи землю, получило право на разработку рудных месторождений и вскоре приступило к постройке металлургического предприятия. В 1898 г. «керченское дело» выделилось в самостоятельное акционерное предприятие с основным капиталом в 10 млн р., из которых половину Брянское общество оставило за собой, а половину реализовало во Франции.⁸³

Начавшийся в 1899 г. промышленный кризис в России резко изменил положение обоих предприятий. В конце 1899 г. Общество Брянского завода вынуждено было обратиться в Министерство финансов с просьбой об оказании ему финансовой поддержки. В ноябре 1899 г. «по высочайшему повелению» Обществу Брянского завода была выдана ссуда в 5 млн р. сроком на 9 месяцев под 4%-е облигации общества на сумму в 8 млн р. В марте 1900 г. размер ссуды был увеличен до 6 млн р., а погашение отсрочено до начала февраля 1902 г.⁸⁴

Между тем в августе 1901 г. правление Общества Брянского завода совместно с правлением Общества Керченских металлургических заводов и рудников вновь обратилось с ходатайством в Министерство финансов о замене заложенных в Государственном банке (под обеспечение ссуды 1899 г.) брянских облигаций облигациями Керченского общества. Правление Брянского общества не скрывало, что оно хочет освободить свои облигации из Государственного банка, реализовать их на парижской бирже через французское кредитное учреждение «Сосьете женераль» («Генеральное общество для содействия развитию торговли и про-

⁸¹ Вопрос о финансовой поддержке Государственным банком Общества Брянского завода уже рассматривался в статье И. Ф. Гиндина «Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства» (Исторические записки, т. 35, 1950, стр. 87—126). В настоящей статье этот вопрос затрагивается лишь постольку, поскольку он проливает некоторый свет на характер отношений, сложившихся между русским Министерством финансов и французской биржей в годы кризиса.

⁸² Журнал Комитета финансов 25 ноября 1902 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 416, л. 15.

⁸³ В 1900 г. основной капитал Керченского общества был увеличен до 15 млн р., причем дополнительный выпуск акций был распределен между старыми акционерами (см.: ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 495, лл. 71—73 об.).

⁸⁴ Особый журнал совета Государственного банка, 31 августа 1901 г.: там же.

мышленности во Франции» — «Société Générale pour favoriser le développement du commerce et de l'industrie en France») и тем самым добыть себе новые кредиты. Государственный банк отклонил это ходатайство, однако правление Брянского общества в начале сентября 1901 г. вторично обратилось в Государственный банк с просьбой о замене хотя бы части заложенных там брянских облигаций керченскими. Правление Брянского общества выражало готовность погасить часть своего долга Государственному банку в размере 2 млн р., если обществу будет разрешено представить в обеспечение остальных 4 млн р. облигации Керченского завода на нарицательную сумму в 6 млн р. с освобождением от залога брянских облигаций, а долг в 4 млн р. будет отсрочен на два года. При этом Генеральное общество соглашалось взять на себя формальное обязательство относительно платежа банку 2 млн р. не позднее двухлетнего срока, в то время как под обеспечение остальных 2 млн правление Брянского общества предлагало представить свои соло-векселя.⁸⁵

Новая комбинация, предложенная Брянским обществом, не встретила решительно никакого сочувствия в Государственном банке и была признана невыгодной, во-первых, поскольку керченские облигации нигде не котировались и вообще являлись «ценностью сомнительной», и, во-вторых, потому, что комбинация эта «связывала» Государственный банк с новым должником, кредитоспособность которого была известна как «весьма слабая».⁸⁶

Брянскому обществу несомненно и на этот раз было бы отказано в его просьбе, если бы русское самодержавие не зависело от французской биржи и в переговоры о ссуде не вмешалось французское правительство.

Французский посол в Петербурге по поручению своего правительства обратился 10/23 сентября 1901 г. со специальной телеграммой к Витте, находившемуся в это время в Сочи, с требованием, чтобы министр разрешил Государственному банку оказать финансовую поддержку керченскому предприятию. Посол обращал внимание Витте на то, что Керченское общество может предоставить необходимые гарантии под выданные ему ссуды.⁸⁷

Вмешательство французского правительства в «керченское дело» вызвало раздражение Витте; министра, видимо, задела и сама манера обращения к нему французского посла: «Я настаиваю...» Витте ответил в довольно резкой форме. «Наш банк, —

⁸⁵ Журнал совета Государственного банка, 21 сентября 1901 г.: там же, л. 149 об.

⁸⁶ Там же, л. 148 об.

⁸⁷ Там же, л. 106 об.

телеграфировал он французскому послу 12/25 сентября, — так же, как французский, действует на основании устава. Как французский министр финансов не может давать распоряжения банку, не соответствующие его уставу, точно так я не могу давать приказания банку о выдаче ссуд, которые, по мнению совета банка, противны его интересам». «Если действительно общество Керчь может представить все необходимые гарантии, то ему не трудно получить ссуду во Франции, так как общества Брянск и Керчь всегда были финансируемы французским правительством, которое наиболее заинтересовано в процветании сих обществ».⁸⁸

Когда именно французский посол сумел передать ответ Витте в Париж, сказать трудно. Но, как видно из донесения Рафаловича от 13/26 сентября, к этому времени Кайо уже было что-то известно об отношении русского правительства к «керченскому делу», он «был подготовлен к отказу в отношении Керчи» и открыто выражал свое недовольство. Кайо предостерегал Рафаловича, что «крах Керчи» будет иметь «роковые последствия» для «всех русских промышленных ценностей», обращающихся на парижской бирже, и убеждал русского агента, что необходимо сделать все возможное, чтобы опровергнуть мысль, будто «иностранцев завлекали и приглашали в Россию, а теперь предостерегают предпрятиям разоряться, чтобы потом выкупать их по низкой цене».⁸⁹

Возможность широкого распространения такой точки зрения во Франции, по-видимому, очень беспокоила Витте. Получив письмо своего парижского агента от 13/26 сентября, Витте тотчас же заготовил целое послание Рафаловичу для передачи содержания его Кайо, в котором пытался оправдаться перед французским министром финансов. «Правительство никогда не приглашало и не привлекало иностранцев заниматься промышленными предприятиями в России, — оправдывался Витте. — Оно им лишь дозволяло. Всякий промышленник, затевающий дело, может выигрывать или терять... Правительство не может иностранным предпринимателям делать выгоды, которые не делаются русским. В частности, по данному случаю нужно иметь в виду, что 1½ года тому назад Брянскому заводу просили открыть временный, не более как на 6 месяцев кредит под облигации общества. Это было сделано. Но общество не сдержало своего обещания и до сих пор не выкупило своих облигаций и теперь желает вместо этих облигаций дать облига-

⁸⁸ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 247, лл. 217—218. Цитируется по черновику телеграммы, написанному по-русски рукою Витте. Французский текст телеграммы см.: ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 495, л. 107 и об.

⁸⁹ Рафалович — Витте 13/26 сентября 1901 г.: там же, ф. 560, оп. 22, д. 247, лл. 219—220.

ции общества Керчь, которое еще только начинает действовать и облигации которого нигде не котируются. Очевидно, что такая комбинация встречает затруднения со стороны администрации банка». «Если бы банк, — продолжал оправдываться Витте, — удовлетворял легко подобные просьбы, то Франция от сего более всего потеряла бы, ибо такое управление банком не могло бы вызвать к нему со стороны французских банкиров какое-либо доверие».⁹⁰

Но это были только слова. На деле же Витте пришлось уступить, и хотя в телеграмме французскому послу от 12/25 сентября русский министр демонстративно отказался давать какие бы то ни было распоряжения Государственному банку относительно ходатайства Брянского общества, некоторое время спустя, вопреки своему заявлению, он оказал непосредственное влияние на решение Государственного банка.

21 сентября/4 октября 1901 г. состоялось специальное заседание Совета Государственного банка, посвященное рассмотрению ходатайства Брянского общества, на котором, разумеется не без ведома министра, выступил директор Кредитной канцелярии Б. Ф. Малешевский. Говоря о возможных последствиях отказа правлению Брянского общества Малешевский подчеркнул, что отказ может привести к «сильному падению курса акций» Брянского общества, «размещенных среди мелких французских капиталистов», которое, в свою очередь, «произведет удручающее впечатление на французском денежном рынке» и «подорвет русский кредит во Франции».⁹¹ «Это соображение, — отмечалось в журнале Совета Государственного банка, — по мнению директора Кредитной канцелярии Б. Ф. Малешевского, настолько серьезно, что оно одно должно иметь решающее значение в пользу ходатайства правления, хотя бы удовлетворение его было даже сопряжено с некоторым риском и потерями для Государственного банка».⁹²

Принимая во внимание соображения, высказанные директором Кредитной канцелярии, Совет Государственного банка принял решение удовлетворить ходатайство правления Брянского общества, правда, с некоторыми оговорками. В частности, предполагалось при заключении окончательного соглашения с Брянским обществом потребовать от него ряд дополнительных гарантий под обеспечение 4 млн долга; кроме того, Совет Государственного

⁹⁰ Помета Витте на письме Рафаловича от 13/26 сентября 1901 г. 24 сентября/7 октября Рафаловичу в Париж была послана телеграмма идентичного содержания (там же).

⁹¹ Журнал Совета Государственного банка, 21 сентября 1901 г.: там же, ф. 588, оп. 2, д. 495, л. 149 об.

⁹² Там же.

банка подтвердил принятое им еще в августе 1901 г. решение потребовать от Брянского общества предоставления формального обязательства, что впредь до погашения долга Государственному банку оно не будет вкладывать своих средств в керченское предприятие.⁹³

Несколько дней спустя, 1/14 октября, Витте утвердил решение Совета Государственного банка и сразу же дал знать об этом французскому министру финансов. «Вы отлично понимаете, — телеграфировал Витте в Париж Кайо, — что подобное решение с моей стороны не сообразуется со здоровыми принципами банковской политики, которые я должен отстаивать, но я решился сделать это исключительно ради того, чтобы доставить удовольствие вам, мой дорогой коллега, и французскому правительству».⁹⁴

Уступчивость, проявленная русским министром финансов, была оценена в Париже по достоинству. За «благожелательное отношение» к предприятиям, в которых были «столь широко заинтересованы французские капиталы», Витте удостоился «самых искренних и горячих благодарностей» французского министра финансов.⁹⁵ Как сообщал в одном из очередных своих донесений Рафалович, политика русского правительства в отношении брянского предприятия произвела «наилучшее впечатление на французского министра». «Его настроение совершенно изменилось», он стал «столь же любезен, сколь бывал ранее неприятен и недоволен. . .»⁹⁶

В конечном счете, правда, удовлетворение ходатайства Брянского общества в 1901 г. не имело никакого практического значения ни для Государственного банка, ни для самого общества, так как задуманная комбинация не была реализована, а Брянскому обществу в 1901 г. удалось получить необходимые кредиты другим путем через брюссельский дочерний банк Генерального общества. Но уже в следующем 1902 г. Брянское общество вновь обратилось за помощью к Государственному банку, и снова при обсуждении вопроса о помощи Брянскому обществу, на этот раз

⁹³ Там же, л. 150. Витте, как это показывает И. Ф. Гиндин, был заинтересован в свертывании керченского предприятия и в конечном счете добился своего. В 1902 г. Керченский завод закрылся, а общество было объявлено несостоятельным. Тем интереснее, что в конце 1901 г. Витте все-таки уступил требованиям французского правительства и дал согласие принять в Государственный банк керченские облигации под залог ссуды Брянскому обществу. Подробно см.: И. Ф. Гиндин, ук. соч.

⁹⁴ Витте — Кайо 2/15 октября 1901 г.: ЦИИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 485, л. 165 и об.

⁹⁵ Рафалович — Витте 4/17 ноября 1901 г.: там же, ф. 560, оп. 22, д. 247, лл. 246—248.

⁹⁶ Там же.

уже в Комитете финансов, во внимание прежде всего была принята не финансовая, а «финансово-политическая» сторона дела. Признав необходимым оказать новую финансовую поддержку Брянскому обществу, Комитет финансов исходил из того, что крах общества мог бы, во-первых, «нанести ущерб» русскому промышленному кредиту во Франции и, во-вторых, «поставить в неловкое положение французское правительство, поощрявшее, впрочем, без всякой просьбы со стороны русского правительства и по неизвестной ему причине размещение брянских ценностей на французском рынке».⁹⁷

В результате выданных Государственным банком субсидий Брянскому обществу общая задолженность его банку возросла к ноябрю 1902 г. до 7,5 млн р., а в декабре 1902 г. банк вступил даже в специальное соглашение с Генеральным обществом для оказания дальнейшей финансовой поддержки брянскому предприятию. По условиям этого соглашения, выданная ранее Государственным банком ссуда под облигации Брянского общества увеличивалась до 10 млн 800 тыс. р. с обеспечением ее облигациями общества и соло-векселями правления. Одну треть общей суммы ссуды брало на себя Генеральное общество, вносившее в Государственный банк соответственно 3 млн 600 тыс. р. Было условлено также, что в случае если через три года после подписания соглашения ссуда не будет ликвидирована, то Государственный банк предоставит Генеральному обществу брянские облигации на сумму в 4 млн р. в окончательное погашение его доли в ссуде. Со своей стороны Генеральное общество должно было при первой же благоприятной возможности открыть, по соглашению с Государственным банком, подписку на облигации Брянского общества, с тем, чтобы выручку от реализации этих облигаций обратить на погашение в первую очередь $\frac{2}{3}$ ссуды, принятых на себя Государственным банком. Только после погашения первых $\frac{2}{3}$ ссуды Генеральное общество получало остальную часть выручки или делалось собственником неразмещенных облигаций. Одно из важных условий этого соглашения состояло в том, что Брянское общество, уступив требования Государственного банка, взяло на себя обязательство не только не вкладывать своих средств в керченское предприятие, но и «безотлагательно принять все меры» к объявлению его несостоятельным.⁹⁸

История финансовой поддержки Брянского общества Государственным банком — только один из эпизодов, отражающих

⁹⁷ Журнал Комитета финансов 25 ноября 1902 г.: там же, ф. 563, оп. 2, д. 416, л. 18 и об.

⁹⁸ Там же, ф. 588, оп. 2, д. 498, л. 66. О дальнейшей судьбе Керченского предприятия см.: И. Ф. Г и н д и н, ук. соч.

всю сложность установившихся в годы кризиса взаимоотношений русского самодержавия с парижской биржей. При всей своей, на первый взгляд, незначительности и двойственности эпизод этот позволяет, в известной мере, судить о степени зависимости, в которой оказалось русское самодержавие, от парижской биржи к 1902 г. В самом деле, пользуясь кредитом во Франции, царское правительство вынуждено было теперь, помимо выполнения условий, связанных непосредственно с займами (как например строительство в России стратегических железных дорог), делать еще порою серьезные уступки французским капиталистам, вкладывавшим свои средства в русские промышленные предприятия. В итоге, занимая одной рукой на парижской бирже, царизм, подчиняясь интересам этой же биржи, подчас расходовал полученные им деньги ради «спасения» от кризиса в России предприятий, основанных на французские же капиталы. Резюмеется, что такой характер «сотрудничества» с французской биржей только усугублял и без того крайне мрачное финансовое положение страны, сложившееся под влиянием кризиса и в результате общей экономической политики Министерства финансов.

К какой неизбежной развязке вела эта политика, убедительно показал В. И. Ленин, выступивший в январе 1902 г. на страницах газеты «Искра» с обличительной статьей: «По поводу государственной росписи».⁹⁹ Разоблачив финансовые махинации министра финансов, В. И. Ленин показал, что благодаря политике «гениального» Витте «самодержавие медленно, но верно идет в банкротство» и все больше и больше попадает в зависимое положение от иностранного капитала. «Хозяйство „великой русской державы“, — писал В. И. Ленин, — под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!»¹⁰⁰

Таков был один из основных результатов финансовой политики Витте вообще и в отношении внешних рынков, в частности, к началу 1902 г. Потерпев неудачу в своих попытках выйти на международный денежный рынок, царизм еще крепче связал свою судьбу и в политическом, и в экономическом отношении с французским финансовым капиталом. Вместо широких возможностей пользоваться кредитом мировой биржи, о чем царское правительство помышляло в конце 90-х годов, оно вынуждено было по-прежнему довольствоваться услугами своих парижских кредиторов. Правда, русское правительство пыталось еще лавировать, обращаясь по временам к берлинской бирже, как это

⁹⁹ В. И. Ленин. По поводу государственной росписи. Сочинения, т. 5, стр. 304—309.

¹⁰⁰ Там же, стр. 306, 307.

было, например, в марте 1902 г. (когда в Берлине удалось разместить 4%-й государственный заем на сумму в 181 950 000 р., выпущенный для реализации «причитавшегося» России от Китая «вознаграждения») или в период русско-японской войны.¹⁰¹ Но по мере того как Россия все больше втягивалась во враждебный германскому империализму лагерь Антанты, берлинская биржа все менее и менее охотно давала царизму займы, пока в 1906 г. вообще не отказалась участвовать в русских займах. Не удалось и попытки царизма заключить «международные» займы. Единственный в своем роде «международный заем» 1906 г., который европейская буржуазия предоставила царизму на подавление первой русской революции, тоже был все-таки, по преимуществу, англо-французский и в нем не приняли участия ни берлинская, ни нью-йоркская биржи.

¹⁰¹ Финансовая политика самодержавия на иностранных биржах в годы русско-японской войны получила освещение в исследовании Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» (М.—Л., 1955).